

Юная чеченка
(гравюра Л. Е. Дмитри-
ева-Кавказского,
1880 год)

Чеченец из Большой
Чечни (гравюра
Л. Е. Дмитриева-Кав-
казского, 1880 год)

Русский художник
Лев Евграфович Дмитриев-Кавказский
родился в станице Прочноокопской,
на Кубани.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КУБАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
«РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 32.
Лики российской истории Северного Кавказа. Вып. 7.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

Н. С. СЕМЕНОВ
И ЕГО ОЧЕРК
«ДЕНЬ В АУЛЕ»
1869 ГОДА

г. Армавир-2002

ББК

63.3(2Р37)

УДК 9(С16)

В-49

© Армавирский госпединститут. Кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин.

Виноградов В.Б. Н.С.Семенов и его очерк "День в ауле" 1869 года // Практические опыты исторического регионоведения. - Вып. 32; Лики российской истории Северного Кавказа. Вып. 7. - Армавир; Грозный, 2002.

Брошюра написана зав. кафедрой РСИД АГПИ, академиком-руководителем научной школы МАН, действительным членом МАИ, профессором, доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, членом Союза журналистов России Виталием Борисовичем Виноградовым. Она продолжает серию изданий, обеспечивающих разработку концепции "российскости" в истории региона посредством, в частности, изучения и понимания русско-кавказских историко-литературных связей, будучи посвящена почти забытому произведению малоизвестного, но незаурядного и авторитетного автора, впервые уловившего перемены и новые черты в мироощущении горцев Северного Кавказа (на примере чеченцев) в период после завершения "Кавказской войны".

Работа адресуется тем, кто стремится знать и понимать процесс становления и развития русско-кавказского единства.

ISBN 5-93750-077-6

1. Н.С.СЕМЕНОВ КАК РАЗНОСТОРОННИЙ КРАЕВЕД

Сборник статей и очерков Николая Семенова "Туземцы Северо-Восточного Кавказа" увидел свет в Санкт-Петербурге, в 1895 году¹. Автор его – чиновник российской государственной администрации на Кавказе был человеком любознательным, увлекающимся и образованным². Служа на различных должностях, сперва в Грозненском, а затем Владикавказском округах недавно созданной Терской области, он много раз, начиная с 1866 года, когда, по его собственным словам, был еще "совсем юным", бывал в чеченских, кумыкских, ногайских, ингушских аулах; стремился ближе познакомиться с бытом, культурой, психологией и нравами их обитателей.

Свои впечатления старательно фиксировал, обдумывал и излагал в краеведческих статьях и зарисовках, опубликовавшихся в кавказской периодике ("Русский вестник", "Терский сборник", "Терские ведомости"), а потом лучшие из них объединил в отдельный, названный выше, сборник. В предисловии к последнему руководство Кавказского отдела Русского географического общества отмечало, что статьи Н.С.Семенова "могут оказать существенную помощь к распространению весьма интересных, но мало известных науке Кавказоведения, сведений об этнографии народов Терской области".

Действительно, исколесив за 30 лет службы едва ли не весь Северный Кавказ, один из первых краеведов Северо-Восточного Кавказа побывал в высокогорных вайнахских (чечено-ингушских) обществах Чеберлой и Галкачу, объездил всю Ичкерию (юго-восточную Чечню, Нохчой-

Мохк) и Аргунское ущелье. Часто гостил у кунаков и сельских старшин плоскостных селений Чечен-Аул, Герменчуг, Шали, Автуры, Джалка, Сержен-Юрт, Алды, Урус-Мартан и многих других. И везде, где бы ни был, он внимательно и со все возрастающей исследовательской трезвостью гляделся в окружающее, стремясь понять его и поделиться с другими своими наблюдениями, мыслями.

Нужно подчеркнуть, что первоначальные характеристики, данные автором на наших земляков из прошлого столетия, были поверхностны, порой даже резки и язвительны, не во всем объективны. Сталкиваясь в связи со своей службой с нешироким, сперва, кругом лукавых хитромудрых представителей старшинской верхушки в чеченских селениях, с угодливыми и часто своекорыстными служаками царизму, ретивый молодой чиновник Н.С.Семенов был склонен переносить их черты на весь народ. Например, признавая "выносливость, смелость, ловкость и практичность" чеченцев, он на первых порах был не прочь приписать им всем подряд эгоизм, хитрость, отсутствие глубокой любви и великодушия, врожденный консерватизм.

Наблюдая явления сложные, имеющие глубокие исторические корни, он далеко не всегда умел найти им верное объяснение. Вот пример: "Инстинкт солидарности со всеми членами своего рода – великая нравственная сила, но она все-таки не чувство любви. Любить чеченец умеет только себя. О себе чеченец замечательно высокого мнения и, ставя свою личность в центре вселенной, тем больше понижает свое мнение обо всех других, чем дальше они находятся от центра; вокруг центра стоит

фамилия, за нею идет племя или народ свой, за народом же вдаль стоит все остальное, едва достойное, а пожалуй и вовсе недостойное внимания"³. Пожалуй, меткость взгляда не искупает здесь излишней категоричности.

Однако шли годы, углублялось познание окружающего, и взгляды краеведа менялись. Он пристально всматривался вокруг и, четко подмечая сложности, находил рядом с собой все больше доброго, разумного, изменяющегося в лучшую сторону. С явной иронией к самому себе краевед писал в предисловии к сборнику 1895 года о том, что за более чем четверть века своих наблюдений он прошел поучительный путь от той поры, когда "хмелем кудри выются" и порождаются "скороспелые и нестройные отвлеченные выводы", до времени, когда "кругозор стал шире и охлажденная годами мысль стала работать спокойнее и ровнее".

Чем дальше, тем чаще и основательнее он старался вскрыть глубинные исторические и жизненные корни горских обычаяев и черт характера и определить те средства, при помощи которых станут все теснее сплетаться дальнейшие судьбы русско-кавказского единства.

Сталкиваясь со многими кавказскими народами, Н.С.Семенов к моменту комплектования сборника статей явно выделял своим вниманием чеченцев – "племя, которое я изучал больше, чем другие племена, и которое, по своей многочисленности, по своей цельности и жизнеспособности, заслуживает большого интереса..." Именно на примере чеченцев предгорной зоны он попытался охарактеризовать те многочисленные перемены, что происходили в жизни и характере горцев 60-90-х годов XIX века, когда на первый план вышли "уже не шашка и пис-

толет, - привычные орудия отцов, а плуг, серп, коса, топор, пара хороших волов, аршин, бумага с пером и чернилами... другие привычки, другие взгляды на вещи..."

Будучи несколько лет членом Ичкеринского (Веденского) окружного управления, Н.С.Семенов, овладев уже чеченским языком, увлекся устным народным творчеством. Он записал (с обязательными пометами: "Записано в Ичкерии", "...в Аухе", "...в Галгаевском обществе" и т.п.) образные вайнахские предания. Среди них: легенды об озере Кезеной-Ам, о боевой Харачоевской башне, о могиле "сестры семи братьев", Ялхой-Мохке и другие. Были записаны им и героические песни (в том числе о "юном Эстемире"), целая серия сказок.

При содействии Н.А.Благовещенского – известного деятеля кавказской публицистики⁴ – Н.С.Семенов собрал их в отдельную книжку "Сказки и легенды чеченцев", которую издал во Владикавказе в 1882 году. В предисловии к ней он поместил "общие указания на выдающиеся умственные и нравственные качества большинства представителей чеченской народности". В этой (фактически первой!) публикации ярких образцов сокровищницы вайнахского фольклора он вполне основательно подчеркнул их близость образцам русского народного творчества и стран Востока. Записи Н.С.Семенова активно используются в науке⁵.

Н.С.Семенов впервые придал значение и такому своеобразному источнику по истории края, как арабоязычные фамильные или личные записи ("таптиры"). Он извлек из рукописи ичкеринского кадия Шамиля Каратаева и опубликовал на русском языке "Предание о происхождении чеченцев", сопоставив его с вариантами "таптиров", из-

вестными ему в Ножай-Юрте, Ярык-Су, Аухе и посильно проанализировав с привлечением, в частности, соображений первого чеченского этнографа и историка Умалата Лаудаева⁶.

Еще позднее, в российском "небольшом укреплении Ведень" (где "отношения между гарнизоном и окрестным населением до того мирные и дружественные, что некоторые из представителей населения давно живут в самом укреплении, а за стенами его еженедельно устраиваются базары...") Николай Семенов в феврале 1886 года впервые столкнулся с археологическими находками в разных местах Ичкерии и близлежащих районов плоскостной Чечни. Они происходили из старинных могильников, разрушавшихся порой случайно, но чаще раскапывавшихся кое-кем из горцев преднамеренно – с целью наживы от продажи древних предметов, на которые в те годы пошла мода в "просвещенных" и научных кругах России.

К чести Семенова, он глубоко заинтересовался этими обстоятельствами, объездил ряд селений, встретился с людьми, собрал, осмотрел, описал и тем самым спас для науки многие ценные находки. По следам свежих наблюдений он создал живой и научно-полезный очерк "Чеченцы – археологи", впервые, пожалуй, привлекший внимание кавказской общественности к стихийно рождавшейся и отнюдь не безобидной страсти.

Но еще важнее, что Семенов (после знакомства с именитым российским археологом А.А.Бобринским, посетившим по его зову местный край и изучившим несколько памятников старины) сам занялся "правильными раскопками". Он начал их с 1888 года на древних могильниках у селений Ведено, Харачой, в других местах Ичкерии

и Аргунского ущелья⁷. В Чечено-Ингушском республиканском краеведческом музее хранился архив Семенова, содержащий рисунки и описания расчищенных погребений и вещей, найденных в них. А сами выразительные материалы находятся в Государственном Историческом музее в Москве и в Государственном Эрмитаже в Петербурге. Некоторые из них подверглись специальному археологическому изучению во второй половине –XX века⁸, а сами раскопочные усилия Н.С.Семенова положительно оценены в первом сводном труде по истории Чечено-Ингушетии⁹.

Долгие часы бесед Семенова о древностях с сельчанами в разных уголках Чечни, его собственные раскопки на глазах людей, публикации в прессе побудили к более серьезному отношению некоторых из земляков того времени к древностям родного края. Так, зажиточный шалинец Ш.Боршигов в конце XIX века собрал в окрестностях родного села замечательную коллекцию древних предметов, включающую каменные булавы, наконечники стрел, бронзовые украшения, привезенные из древнего Египта амулеты с фигурками львов. Все эти вещи сегодня бережно хранятся в фондах Государственного Эрмитажа в Петербурге, привлекая постоянное внимание специалистов-кавказоведов.

Многие современные ученые – этнографы, фольклористы, археологи, историки – обращаются к разнообразному краеведческому наследию Н.С.Семенова. Критикуя его промахи, слабую методику, сословную ограниченность общественных взглядов, ошибочность иных из оценок, они с благодарностью используют положительный опыт одного из первых местных исследователей,

попытавшегося понять историческую судьбу региона и его населения, рассказать о ней широким кругам российских читателей, публикуя свои работы в Тифлисе (Тбилиси), Владикавказе, Санкт-Петербурге и Москве. Он может быть смело причислен к той плеяде деятелей, которая олицетворяла собой нарождение и укрепление богатого содержания "российской", определявшей ход местной истории в XIX-XX веках¹⁰.

Вот почему один из моих учителей - выдающийся археолог и кавказовед, лауреат Ленинской премии СССР, профессор Е.И.Крупнов - в своем фундаментальном труде "Древняя история Северного Кавказа" справедливо отнес Н.С.Семенова к той небольшой, но "активной группе местных дореволюционных интеллигентов-краеведов, для которых наука не была ни специальностью, ни долгом службы. Самоотверженно трудясь и собирая в часы досуга свидетельства былого (а также пополняя личный багаж текущих впечатлений и наблюдений, - В.В.), они сохранили для будущих исследователей нередко ценнейшие источники по истории одной из интереснейших областей нашей Родины – Северного Кавказа"¹¹.

2. ЧЕРТЫ ЧЕЧЕНСКО-РУССКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ОЧЕРКЕ "ДЕНЬ В АУЛЕ" 1869 ГОДА

Очерк Н.С.Семенова "День в ауле" открывает основное содержание его сборника "Туземцы Северо-Восточного Кавказа" (с. 3-71). В конце он имеет пометку: "1869. укр. Грозное". Однако есть основания думать, что

сам рассказ отражает информацию несколько более раннюю, быть может, он как бы суммирует некоторые впечатления автора предшествующих двух-трех лет. В этом очерке автор аттестует себя юношей, "молодым чиновником". Из него следует, что Н.С.Семенов не первый раз побывал в этих местах, где кое-кто из людей ему уже знаком.

Так или иначе, но рассказ отражает ситуацию того времени, которое отстоит на десять лет от времени завершения так называемой Кавказской войны, которая окончилась пленением Шамиля летом 1859 г.¹² Завершение тогда военных действий на Северо-Восточном Кавказе отнюдь не означало решения всех местных проблем и мгновенного умиротворения всей обстановки. Последующее десятилетие – одно из самых сложных в местной истории¹³. Но это не меняет факта: основное военное напряжение спало и начался длительный мирный период восстановления русско-вайнахских взаимоотношений на качественно новом уровне.

Сам этот период получил достаточно полное научное освещение, в частности, в трудах Н.П.Гриценко и других авторов¹⁴, опирающихся на богатые и разнообразные источники. Представляется полезным и интересным рассмотреть его под углом зрения личных впечатлений конкретного человека – непосредственного участника событий, каким и был Н.С.Семенов.

Рассказ "День в ауле" начинается с описания жаркого летнего пути из крепости Грозной в один из удаленных плоскостных аулов Малой Чечни. Направление движения обозначено следующими ориентирами: справа – "виднеются высокие обрывистые берега вечно мутной, часто

вонючей Сунжи...", слева – "в верстах тридцати от нас, туманно очерчиваются Черные горы..." (с. 3). Автор-повествователь едет в служебную поездку, сопровождаемый чеченцем-переводчиком, которого зовут Ибрагим Джугуртиев.

Уже на первых же верстах пути возникают обстоятельства, побуждающие Н.Семенова с начальных до последних страниц держать в фокусе своего внимания проблему русско-чеченских отношений. Иногда это как бы шутливые реплики ("Как чеченские собаки не злы вообще, а в особенности на русских, но они не решались атаковать нас единодушно..."), но куда чаще это серьезные размышления или меткие наблюдения.

Первое же из них касается положения русских (российских) солдат в Чечне, каким его наблюдает автор: "Странный контраст с этими вооруженными хозяевами плоскости составляют пришельцы – наши солдаты. Нередко встречается их человека по два, по три, частенько по одному, пробирающихся из одного укрепления в другое, или в какой-нибудь аул для "покоса из половины". Оружия – никакого. Расстегнутый, в одной рубахе с сюртуком под мышкой, плетется себе спокойно, будто в своей родной сторонушке, в Тамбовской или Вятской губернии" (с. 5).

Здесь важна не просто констатация безопасности русских солдат рядом с традиционно вооруженными горцами, но и сообщение о "покосе из половины". Авторское примечание, данное тут же, поясняет: "Чеченцы часто передают свои покосы расположенным вблизи войскам с тем, что половина скошенной травы составляет плату за труд солдат, а другая поступает в пользу хозяина" (с. 5).

Это реальное свидетельство уровня налаженных отношений между российскими войсками и окрестным чеченским населением.

Тут же Н.С.Семенов приводит и бойкие диалоги, вспыхивающие между русскими солдатами и "встречными чеченцами". Со стороны последних звучит хотя и ломанная, но вполне понятная русская речь ("Эй, кунак! Давай табак, моя курить надо!... Твоя давай не хочет? Твоя казенный бик (бык). Черный чурек кушай... Один рубах свои нет, все казенный..." (с. 5-6), что является очевидным фактом приобщения к бытовому русскому языку уже заметно широких слоев чеченцев. Легко заметить, что диалогов местами полушутивый-полуироничный. Выявляется в нем вполне определенное недопонимание взаимного положения друг друга: горцам странен человек в казенном, а русский "солдатик" с не меньшим недоумением рассуждает: "Вот разъезжает себе как шальной и делать ему больше нечего. И что только начальство смотрит на них?" (с. 6).

Подобные недоразумения естественны на первом этапе мирных соседних взаимоотношений. Они не могли не усугубляться свежей памятью о затяжном периоде упорных военных действий, в которых далеко не все русские солдаты и чеченские крестьяне оказывались на одной стороне. Предубеждения цепки, они изживаются не сразу. И всегда находятся силы, которые непрочно поддерживают их. Причем часто это делается путем воздействия на неокрепшие еще детские умы.

Вот характерная сценка: "Попадались кучки детей. Они сначала смотрели на нас с удивлением, а потом провожали нас самой забористой русской бранью. Во многих

аулах, лежащих недалеко от крепостей, вошло в обычно-вение науськивать детей на русских, если те показываются без солидного конвоя. За бранью... пускаются иногда вдогонку комки грязи, впрочем, без намерения угодить в цель" (с. 7).

Но это не мешает автору оказаться в крупном чеченском ауле, в сакле старшины.

Тут же начинается оживленная деловая беседа. Сперва она ведется с помощью переводчика, который вместо того чтобы "объяснить все дело в двух словах, по своему обыкновению говорил более получаса". Затем последовала реплика старшины на русском языке: "Да хорошо! Много хорошо!..." (с. 9). И угощение оказалось под стать: старшина "отдал приказание сыну распорядиться насчет русского чаю". И дальнейшая беседа: "Ничего нового в Грозной? Ярмарка скоро откроется – не слыхали?" (с. 9). И вновь – это приметы установившихся отношений, олицетворяемых теперь словами и действиями не просто встречных путников, но влиятельного сельского старшины.

Очень интересны, разнообразны диалоги с чеченцами, которыми насыщен рассказ. Вот в саклю вошли два старика. Один из них "на ломанном русском языке" просит закурить. Он поясняет: "Табак мой совсем нет, ахча (денег) нет". И тут же закурив полученную папироску, пускается в рассуждение: "Ваш есть царь – деньги дает: твой табак есть, бешмет есть, черкеска есть... все есть; мой царь нет, табак нет, черкеска плохой" (с. 11).

Далее излагаются уже мысли автора: "Чеченцы с особенной любовью напирают на этот аргумент в обычновенных неслужебных разговорах. Мы и богаты, и в чинах,

большие должности занимаем только потому, что правительство у нас свое, а им оно чужое. Они бедные, в загоне; их вечно обижают; по их желанию ничего не делают; в них не признают ни особенного ума, ни особенной силы. Награды, чины, жалование получают всего каких-нибудь трое, четверо из сотни. Напрасно бы вы им стали доказывать, что царь на всех смотрит одинаково, или что в настоящее время к ним относятся гораздо снисходительнее, чем к русским простолюдинам. Укажите им на все полезные преобразования в kraе, где труд и деньги русские, тогда как все выгоды принадлежат им одним, ваши слушатели останутся все таки при своем убеждении".

Наблюдения эти, конечно же, не лишены остроты взгляда. Но они далеко не бесспорны в своей отнесенности ко всем чеченцам, и дальнейшее содержание рассказа не раз поставит их под сомнение.

Между тем старик-чеченец Джамалдин позволяет себе в беседе с российским чиновником заметную волю иронии. Н.С.Семенов замечает по этому поводу: "Он издевался над добродушным уруском; он говорил мне дерзости и этим хвалился перед своими, но говорил все в своеобразной и безобидной форме. Добродушное презрение к представителю нелюбимого им народа так и сквозило наружу из-за его непрерывных шуточек. Остальные чеченцы лукаво и весело смеялись" (с. 12-13).

В поведении Джамалдина нет ничего странного. Во-первых, он – тип того сельского скептика и шутника, чья популярность "весьма двусмысленного характера и они теперь заметно теряют ее". Во-вторых, узкий круг его случайных знакомств из числа русских вряд ли вводил

его в тесное соприкосновение не то чтобы с лучшими, но даже достойными представителями этого народа. Примечательна тут же ремарка автора о том, что старшина "как зажиточный хозяин и должностное лицо, держался солиднее, а о русских он имел, кажется, гораздо лучшее мнение" (с. 14).

В манерах другого старика-чеченца "проглядывала какая-то приторная угодливость". Она не обманула автора, который воспринял его куда более критично: "чеченец был из мелких хитрецов... Он вечно суетится, всем угождает, обо всем старается знать и многозначительно мотать себе на ус... Выдержки в его характере нет никакой. Сегодня он ваш, завтра завербуется в противоположный лагерь... К русским он льнет, рассчитывая поживиться от них кое-какими земными благодатями... И если такой добивается чего-нибудь за свое лакейство, то не более как звания милиционера и то по хлопотам чиновней родни или за взятку влиятельному туземцу. А сделаете Баргиша, ну, хоть старшиной в ауле, он через полгода запутается в собственных сетях" (с. 15-16).

Этот второй старик изъяснялся без переводчика. Н.С.Семенов замечает, "что многие из чеченцев никогда не обращаются к нам на ломанном языке. Другой и порядочно объясняется, но все таки считает нужным прибегать к посредству толмача. Зачем правоверному поганить себя произношением на языке христиан, если в этом нет крайней необходимости? Впрочем, этот остаток прошлого и между ними становится анархизмом. Гораздо чаще политикуют в этом отношении, в надежде узнать что-нибудь из откровенной беседы между собою русских" (с. 17).

И снова разговор крутится вокруг проблемы несправедливого отношения властей к чеченцам. Автор пытается объяснить собеседнику: "Русский юнкер человек образованный, учившийся в школе, он подготовлен быть офицером, поэтому ему и дают офицера; а чеченец-юнкер ничего не знает, какой из него может быть офицер?" Но его доводы не принимаются: предубежденность, неинформированность еще очень сильны. Сельским чеченцам нелегко разобраться во всех этих тонкостях.

Вторая часть рассказа носит явный этнографический характер. Автор вводит читателя в мир чеченских традиций и обычаяев, постоянно сопоставляя его с русской системой традиционных отношений. Он внимательно фиксирует встречные интересы. Вот Джамалдин, указывая на блин (на самом деле "чепалгаш"), спрашивает: "как это русский звать...", - я сказал. Некоторые тихо повторили. - А это? - спрашивал он дальше, указывая на кувшин, полотенце, зеркало и пр. - А твой скажи: румра, иевлак, кузьга и прочее, - учил он меня чеченским названиям тех же вещей, когда узнал от меня русские. Слова с гортанными звуками я произносил неправильно. Чеченцы тихо смеялись" (с. 20).

Нельзя не отметить постоянство подобных сцен, передающих постепенно нарождающееся двуязычие чеченцев в условиях первого десятилетия после окончания военных действий в крае.

Привлекает внимание описание внешности и одежды горцев и горянок, с которыми свела судьба Н.С.Семенова. Вот, например: "Старшая на вид – лет семнадцати, была в длинной желтой рубахе, без пояса, в широких красных шароварах и маленьких сафьяновых туфлях с высокими

каблуками на турецкий манер; на голову была накинута легкая шаль, не связанная концами. Из любопытства она повернула голову в мою сторону, и я увидел глубокие черные глаза с длинными ресницами и густыми бровями, лицо чрезвычайно нежного и смуглого цвета, довольно большой тонкий нос, средней величины рот, тонкие розовые губы и слегка выдававшийся подбородок. В общем лицо было очень красиво и дышало жизнью и страстью..." (с. 22). В другом месте – еще портрет девушки: "кругловатое смуглое лицо, здорового лоснящегося цвета, со сладострастно округленными чертами, небольшой мясистый нос, плоский лоб, обыкновенно наполовину покрытый обрезанной прядью волос, черные глаза с поволокой, без выражения, большой рот и остроугольный подбородок, вот черты такого лица" (с. 23).

Эти описания побуждают вспомнить гравюры того же времени, выполненные художниками-современниками, например: Львом Евграфовичем Дмитриевым-Кавказским. В частности, взаимно проверяется факт наличия челки в прическе молодых горянок¹⁵, и, вместе с тем, контролируется этнографическая достоверность описаний Н.С.Семенова.

Имеются в очеркѣ и раздумья над характером религиозности чеченцев в связи с комплексом русско-вайнахских взаимоотношений. Вот одно из них: "Все чеченцы строго исполняют обряды омовения и молитвы, как, впрочем и остальные обряды. Очень редкие из молодежи позволяют себе вольнодумничать, соединяя двухкратное моление в одно попространнее. Но обрядовою стороной и кончается в большинстве случаев религиозность чеченцев. Думать, что все они религиозные фана-

тики, большая ошибка. Этим любят иногда щегольнуть, прикрыть свои грешки, в особенности в преступлениях против русских. Отчего, например, не заявить, что убийство христианина совершено для спасения души, что чем больше накопится таких преступлений, тем скорее угодишь в рай Магомеда" (с. 29).

Разумеется, это упрощенный подход к событиям реальной истории, но он отражает некоторые черты эпохи.

В третьей главе очерка автор останавливает свое внимание на личности самого переводчика Ибрагима Джугуртиева (судя по фамилии, он – выходец из числа обитателей селения Джугурты на реке Гумс, в нынешнем Ножай-Юртовском районе)¹⁶. Он относит его "к довольно распространенному типу чеченцев. Большинство их в настоящее время занимает самые разнообразные служебные должности, от видного начальника до простого переводчика или милиционера..." (с. 30). Внешность его колоритна и автор не скрывает этого, хотя и мчится ему, что лицо Ибрагима "покрыто какою-то маскою, за которой нет никакой возможности проникнуть в его мысли или чувства". "Говорит он по-русски бойко ... несколько напыщенно" (с. 31).

Из долгих разговоров в пути у автора сложилось не особенно лестное впечатление об Ибрагиме, которого он оценивал как позера и хитреца, убежденного, что его спутник не может отличить ложь от истины. Н.С.Семенов и тут склонен в пылу внутренней полемики чрезмерно типизировать характер конкретного человека: "Нужно долго пожить между чеченцами, чтобы узнать, какого они низкого мнения и о наших способностях, и о наших нравственных качествах. Они глубоко убеждены, что мы

глупы и простодушны. Много ясного для них, как день, мы, по их мнению, вовсе не в состоянии понять. Надуть нас решительно ничего не стоит. В частной и общественной жизни мы все делаем навыворот, наши суждения о людях ошибочны, щедроты нашего начальства всегда сыплются на тех, кто их менее всего заслуживает..." (с. 32).

Однако, сразу же вслед за тем Н.С.Семенов формулирует мысль чрезвычайно важную для всего понимания комплекса русско-вайнахских взаимоотношений той поры: "Интересно, что русских они еще делят на настоящих и ненастоящих, к которым относят офицеров и чиновников нерусского происхождения. Настоящий русский – в этом они сильно убеждены – человек в высшей степени добрый, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящий русский никогда никого не обижает, а напротив, всем покровительствует; он всегда богат и живет роскошно, не жалеет копейки; за услуги платит щедро и зла никогда не помнит. И многое на Кавказе произошло бы не так, если бы поселили этих настоящих русских... но пача (царь) ими дорожит и не отпускает от себя. В этом представлении так много идеализации... Оно является, скорее, естественным для недавно покоренного народа протестом против водворившейся в крае власти, органами которой пока по преимуществу являются чиновники из уроженцев кавказского края" (с. 33).

Эту свою весьма ценную, хотя и противоречивую мысль Н.С.Семенов здесь же иллюстрирует обращением к очень непростому "прошлому Ибрагима Джугуртиева". Начинает он с того, что констатирует: "во время войны Ибрагим принадлежал к обеим враждовавшим сторонам.

И той, и другой он оказывал весьма важные услуги, в той и другой – то приобретал доверие, то преследовался как изменник. Не раз ему грозили и русская виселица, и шамилевская "башня долой", но он всегда ловко увертывался от наказания... Много их было тогда – рыболовов в мутной воде. Для этих людей, служивших только личной корысти, было решительно все равно; им нужно было только, чтобы война продолжалась. В критическую минуту Ибрагим без зазрения совести шел на единоверцев, отстаивая интересы русских, а на другой день пускал пули в бывших друзей" (с. 33-34).

Со столь же малой симпатией автор описывает все зигзаги в биографии Ибрагима, тип которого Н.С.Семенов субъективно готов распространить на значительную часть народа. В этой связи он пытается объяснить причины массового участия чеченцев в военных действиях после 1840 года. Н.С.Семенов не считает религиозность причиной военного противоборства. Отводит он как несостоятельную и другую причину: "Шамилевский деспотизм с его произволом, казнями, грабежом и всякими насилиями над личностью, уж никак нельзя было назвать независимостью народной. Чеченцы даже могли думать, а многие, наверное, и думали, что им будет лучше под нашей властью. Жили они полу-покорно до 40-го года и не могли пожаловаться на посягательства со стороны русских на их права или на стеснительное вмешательство в их домашние распорядки" (с. 39).

В этих рассуждениях есть своя логика, хотя она и далеко не безупречна в контексте понятной для царского чиновника идеализации политики властей до 1840-го года. Но уже совсем огульно звучит выдвигаемая им тре-

тья причина: "Они ничего не отставали, ничего отдаленного не искали, а дрались из любви к самому процессу драки; любви вселенной всею прошлою народной жизнью..." Прежде они дрались с соседними племенами и между собой, а потом страстно отдались борьбе с русскими..." Подобный прямолинейный подход был свойственен ряду тех авторов, который не утруждал себя поисками истинных, глубинных причин долговременного обострения обстановки в Чечне и других областях в первых двух третях XIX века.

Однако "замирение Кавказа" состоялось. "Обстоятельства народной жизни изменились, и личности, подобные Ибрагиму, кинулись на государственную службу; домашнее хозяйство их не удовлетворяет; в аулах не сидится. И теперь, как прежде, они жаждут интриг, общественного влияния. Многие из них занимают довольно видные посты; другие втираются хоть в переводчики, хоть в милиционеры, чтобы все-таки вертеться в служебном кругу. По натуре они, разумеется, все те же и по-прежнему служат только себе... Строго идут по одному пути – пути чинов и денег" (с. 41).

Еще одним образчиком такого рода представлен некий Бей-Султан Муталиев – капитан в отставке. Он способен объясняться по-русски, отчасти благоустроил свой быт на русский манер, льстит властям, заискивает перед молодым чиновником. И все это только в поисках личной выгоды.

Трезво оценивая остро критическое отношение Н.С.Семенова к "деятелям" Чечни такого рода, следует по достоинству воспринять его конечный вывод: "Намеченный мною тип чеченцев самый зловредный в крае и не

для русских только, но и для своего народа. Он усиливает недоразумение между чеченцами и нами; он поддерживает антагонизм, следствием которого являются несчастья с обеих сторон. Он опошляет все хорошие реформы, проводимые в крае, покрывает их совершенно другою ехидною краскою во время своего посредничества между победителями и побежденными" (с. 57).

Все эти характеристики конкретной прослойки чеченского общества 60-х годов XIX в., разумеется, нельзя переносить на трудовой народ Чечни, с которым Н.С.Семенов в силу специфики своей должности сталкивался не часто и не тесно. Он наблюдал и пристрастно фиксировал лишь некоторые грани сложного и длительного процесса налаживания чеченско-русских отношений на совершенно новом этапе их развития.

В этом смысле очерк "День в ауле", как и вся книга "Туземцы Северо-Восточного Кавказа", заслуживает пристального интереса и должна быть востребована современными исследователями истории и культуры региона.

Затрагивая, в частности, механизм весьма сложного и неоднозначного явления формирования чеченской, как и вообще горской, ментальности в преддверии очередных эпохальных потрясений начала XX века, многие наблюдения и оценки Н.С.Семенова несут в себе немалый потенциал и для понимания такого деструктивного феномена, как зарождение сепаратизма на Северном Кавказе¹⁷, имеющего прямой выход в сегодняшнюю обостренную многими обстоятельствами практику пребывания Чечни в составе Российской Федерации – нашего общего Отечества, переживающего тяжкие испытания по вине сего-

дняшних правителей и "демократических" властителей дум"¹⁸.

П р и м е ч а н и я :

1. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПБ., 1895.
2. Первые опыты реконструкции биографии Н.С.Семенова см.: Виноградов В., Мехтиева М. Начиналось так // Газ. "Колхозная жизнь" (Веденский район ЧИ АССР). – 1985. – 10 ноября; Виноградов В., Мехтиева М. У истоков краеведения // Приязни добрые плоды. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1987. – С. 43-47.
3. Семенов Н. Заметка о нравственных и умственных качествах чеченцев // Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПБ., 1895. – С. 84.
4. Семенов Л.П., Н.А.Благовещенский на Кавказе (к 40-летию со дня смерти) // Сборник научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. – Владикавказ, 1929. – С. 34-41.
5. См., например: Очерки чеченской и ингушской литературу. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1961. – С. 92; Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. – М.: Наука, 1972. – С. 6, 77, 95, 413-416 и др.; Масагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1970. – С. 18; Дахильтов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. – Грозный: ЧИГУ, 1978. – С. 31; и др.
6. См.: Виноградов В.Б., Техиева Х.Ш. Умалат Лаудаев: "Я первый на русском языке пишу о моей родине..." // "Российскость" в истории Северного Кавказа: Научный сборник (Сер. "Вопросы Северо-Кавказской истории. Вып. 7). – Армавир, 2002. – С. 85-92.
7. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1888 год. – С. 312-313.
8. См.: Виноградов В.Б. Сарматские материалы из ранних раскопок на территории Чечено-Ингушетии (по коллекциям Государственного исторического музея) // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. – Т. 3. Вып. 1. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963. – С. 153-161; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1966. – С. 95, 97, 100, 141 и др.; Виноградов

- В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972.
- С. 277-278; Петренко В.А. Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени Юго-Восточной Чечни // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. – Грозный: ЧИГУ, 1984. – С. 35-43; и др.
9. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. – Т. 1. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1967. – С. 300.
10. Виноградов В.Б. "Российскость" как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // "Российскость" в истории Северного Кавказа. – Армавир, 2002. – С. 3-11.
11. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Наука, 1960. – С. 40.
12. См., например: Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2001. – С. 233-308.
13. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII века – 1917 год. – М.: Наука, 1988. – С. 257-298.
14. См.: Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900 гг.). – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963; Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Гуманитарные науки. Библиографический указатель 1970-1982 гг. – Грозный, 1985.
15. См.: Виноградов В.Б. Памяти вечная нить. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1988. – С. 99-102.
16. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. II. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978. – С. 240.
17. См., например: Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX-XX вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. №№ 3. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 43-52; – № 4. – Ростов-на-Дону. – 2001. – С. 13-20.
18. Дегоев В. Чеченская война прежде и теперь // Большая игра на Кавказе... - С. 361-382.

ЛР № 47-34 от 22.11.99 г.

Подписано в печать 04.06.02 г. Формат бумаги 60x84/32.
Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 0,75.
Уч. изд. л. 0875. Заказ № 1680-п. Тираж 1000.

Государственное унитарное предприятие "Армавирское полиграфпредприятие" департамента по делам СМИ, печати, телерадиовещания и СМИ администрации Краснодарского края. 352900, РОССИЯ, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.